

УДК 94(4)"04/14"

К АНАЛИЗУ ОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИКАЦИЙ Б. М. КОНДОРСКОГО

Я. Г. Риер

доктор исторических наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Анализируется серия публикаций кандидата биологических наук Б. М. Кондорского о всемирно-историческом процессе. Автор представляет оригинальные концепции и вводит новые понятия с собственным толкованием терминов: ойкумена, революции, изгои. При наличии весьма точных характеристик некоторых исторических явлений в целом авторские концепции представляются ошибочными.

Ключевые слова: профессионализм, пределы компетенций, концепции исторического процесса, компаративный анализ, ойкумены, архаические общества, революции.

Введение

Мне уже приходилось писать о взглядах на исторические процессы и, соответственно о концепциях авторов, пришедших в историческую науку с иным образованием (чаще – техническим) и иным исследовательским опытом (кандидаты негуманитарных наук) [1–3]. Эти воззрения и даже основанные на них теории нередко выглядят довольно экзотично, что связано, на мой взгляд, с отсутствием систематического исторического образования, которое редко можно заменить обилием специально проштудированной литературы по тем или иным темам или периодам истории. Как исключение отмечу исторические штудии Э. С. Кульпина, сумевшего уловить общие закономерности исторических процессов и связать их природной средой в рамках предложенной автором концепции социоестественной истории [4].

Вероятно, все же без базового исторического образования сложно охватить, даже в общих чертах, основные исторические процессы, в которых участвовали тысячи поколений людей на протяжении более 100 тысяч лет существования современного вида *Homo sapiens*. Это сложно и для профессиональных историков, о чем свидетельствуют многолетние дискуссии среди них по огромному количеству проблем, связанных не только с ограниченностью источников (для ранних

исторических этапов), но и с разными интерпретациями.

Впрочем, и историческое образование порой не уберегает от необоснованных суждений. Например, философа и литератора В. Ю. Даренского [5]. Возможно, в неточностях его некоторых представлений сказалось писательское мышление, не ограниченное строгими научными рамками¹.

Но вернемся к тем, кто увлекся историей, уже состоявшись в своей первоначальной профессии. Поводом к написанию предлагаемого текста стала серия публикаций кандидата биологических наук Б. М. Кондорского с изложением собственной концепции исторического процесса (опираюсь на доступные тексты из интернета последнего десятилетия).

Основная часть

Наиболее ранней из известных публикаций Бориса Михайловича Кондорского была статья о Древнем Китае, которая привлекла подзаголовком (Попытка сравнительно-исторического анализа) [6]. В целом статья, представленная в серьезном научном издании, показалась весьма интересной и новаторской, что и привело к поискам других публикаций этого автора. Но по мере их изучения стали накапливаться замечания и возражения, которыми в определенный момент захотелось поделиться. Ибо автор, как показалось, настолько увлекся сложившейся у него концепцией, что перестал замечать ее несоответствие как историческим фактам, так и принятой историками терминологии. Последнее бросилось в глаза уже при прочтении вышеназванной статьи. И то, что первоначально воспринялось как частное понятие, оказалось одним из стержней авторской концепции. Имеется в виду применение термина *революция* в трудах Бориса Михайловича.

К этому термину еще вернемся, хотелось бы обратить внимание на начало названной статьи: *Использование сравнительного мето-*

¹ Информацию о нем см.: <http://ruspole.info/taxonomy/term/3190>.

да в исторических исследованиях, в отличие от биологических, больше исключение, чем правило [6, с.16]. Однако осмелюсь заметить, что этот метод уже давно применяется историками, хотя и не всегда корректно, в чем автор прав. Но такая историографическая неточность всегда настораживает, ибо, если приведена в обобщающем виде, свидетельствует о недостаточном знании литературы. И, далее, автор пишет: *Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. Здесь этот термин используется не в переносном (метафорическом) смысле, а в буквальном. Действовали те же основные законы, что и во время классических буржуазных революций* [6, с.16]. Такой перенос понятия противоречит и его же вышевысказанному утверждению, что *аналогичные формы, имея различное происхождение, сходны только внешне. И Революция, в первую очередь, происходит в голове. Один тип социального сознания сменяется другим. На смену старому архетипу социальной организации приходит принципиально новый*. Но это поверхностное сходство. Буржуазные революции вызревали в достаточно структурированных обществах с длительной историей развития. Преобразования в архаических обществах возникали на совершенно иных основах, различных, кстати, в разных по ландшафтам регионах и в очень, даже по историческим меркам, растянутых сроках. Так что если говорить о *революции в головах* (по М. Булгакову?), то на сколько тысячелетий этот процесс растянулся? Даже в биологии это типичная *эволюция*, а уж в общественной среде и подавно. Термин *революция* подразумевает бурные, взрывные процессы. По крайней мере, так их обычно называют. Но в последующих своих публикациях Кондорский опирается на свое определение *революции* как постулат и широко применяет его в разных вариациях, что и вызвало вышеприведенный комментарий.

Вообще-то споры о терминах отдают схоластикой. У каждой области знаний есть свой глоссарий. Автор, безусловно, волен вносить личные уточнения, особенно в эпоху интернета. Но стоит ли множить сущности, как замечал более полтысячелетия тому назад В. Оккам? Тем более что далее Борис Михайлович использует этот термин и вовсе, как представляется, некорректно: *В процессе исторического развития можно выделить следующие основные революции (точнее эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические,*

архаические, феодальные и революции Нового времени. Здесь спутано, что называется, «холодное с кислым». *Неолитическая* – это революция, прежде всего, *технологическая*, и она действительно резко преобразовала общества, перешедшие к земледелию и использованию жаропрочной посуды, что существенно ускорило человеческое развитие². *Архаические революции* – это довольно длительные многофакторные *социальные* преобразования, как и *феодальные*. А *революции Нового времени* – понятие *хронологическое*.

Далее в статье предложен весьма корректный компаративный анализ древних цивилизаций Средиземноморья и Востока (особенно Дальнего), свидетельствующий об эрудиции автора. О том же – приведенные в заключении статьи вполне обоснованные рассуждения о феодализме.

Статью о Древней Руси автор вновь начал с утверждения, что *использование сравнительного метода в исторических исследованиях (в широком смысле этого слова), в отличие от биологических, больше исключение, чем правило. Медиевист редко использует материал периода древности для понимания событий и явлений в Средние века. В свою очередь, специалисты по истории Древней Греции не так часто обращаются к событиям по аналогичному периоду соседнего Рима или Ближнего Востока. Я здесь уже не говорю об Индии или, тем более, Китае* [7]. Кроме как ограниченным знанием соответствующей литературы такое утверждение не объяснить. Это заметно и по ссылкам в статье, особенно в отношении к Западной Европе. Не оттого ли такие утверждения, что *собственно германские племена и их объединения исторически к этому [феодальной революции] отношения не имели* [7, с. 146]. А собственно, кто имел, как не их потомки? Литературы об этой эпохе немерено, в том числе и самой современной. Но автор ссылается только на одну из статей уважаемого востоковеда Л. С. Васильева о власти-собственности, весьма важной для понимания именно «восточного феодализма». Не отсюда ли сопоставление рыцарей с мужскими союзами первобытности? Некое сходство найти можно, ну так ведь все военные корпорации в чем-то похожи друг на друга.

Здесь же появляется и авторская концеп-

² Замечу, что и в данном случае термин *революция* неадекватен, но он привился. Хотя другой похожий термин *демографическая революция* все же преобразовался в *демографический переход*.

ция *изгоев* как отщепенцев-пассионариев – «двигателей» социального развития. К ним он относит и бандитов Нового времени, и воинов Александра Македонского, что требует пояснений. Хотя, следуя логике автора, я бы отнес к таковым «людей длинной воли» (по монгольской терминологии), из которых вырос Темучин-Чингисхан³. Но рыцари – это уже иное: замкнутое сословие со своим обособленным этосом...

Далее, автор возвращается к своей концепции *ойкумены* – опять неологизм. Обычно под ней еще со времен Геродота понимают земли, заселенные людьми, а еще точнее, заселенные людьми до их расселения за пределы первоначального обитания. В том контексте, который использует Кондорский как *единство биологических, географических, геохимических, гидрологических, атмосферных систем*, это широко применяемый теперь термин *локальные цивилизации*⁴.

Дальнейшие рассуждения автора о древнерусской эпохе вполне корректны, ибо обусловлены довольно широким кругом литературных источников. Вполне можно согласиться с тем, что в Древней Руси не было феодализма – была феодализация [7, с.156]. Хотя утверждение, что «Архетип Древней Руси очень близок к таковому кочевых сообществ», нельзя принять без оговорок: иная природная среда, иной тип хозяйства, соответственно, иная ментальность. Разве что стремление к расселению в условиях бедных почв, континентального климата и вследствие этого – слабой заселенности. Но ведь при освоении / захвате новых земель – оседлость. В целом, несмотря на некоторые неточности и необоснованные параллели, текст указанной статьи интересен определенной свежестью суждения, что свойственно неопитам.

Концепт *ойкумены* автор развивает и в последующих публикациях, например, в статье о кочевом мире [9]. При этом признает, что есть и иные обозначения данного концепта. А далее выделяет некую *евроазиатскую неолитическую ойкумену*, охватывавшую и Северную Африку, от которой на рубеже II–I тыс. до н.э. отделяется Китай⁵. Такое обобщение едва ли обосновано, если речь идет о кочевом мире. Китайское общество уже в бронзовом веке

(II тыс. до н.э.) формировалось как сельскохозяйственное, на протяжении всей своей истории противостоящееномадам.

Далее, автор, опираясь на исследования специалистов, дает обобщенную характеристику кочевников, в общем-то правильную, но одностороннюю. Соглашаясь с другими авторами, что *кочевники разрушали все преграды, препятствующие их свободному перемещению...*, что в чужих землях можно было *грабить и убивать*, что государственность кочевых империй была условной, Кондорский почему-то утверждает *исключительную роль торговли в обеспечении стабильности кочевых государств*. Правда, и здесь следует ссылка на других исследователей. Но это утверждение противоречит вышеприведенному о роли насилия в организации кочевого мира.

Кстати, далее в статье автор пишет о *цивилизациях* кочевников, что более соответствует общепринятой терминологии, чем *ойкумены*. Дальнейшие рассуждения автора о кочевниках, их взаимоотношениях с Китаем возражений не вызывают. Но к заключительной фразе статьи о презрительном отношении к кочевникам у османов можно было бы добавить, что в их ментальности сохранилось свойственное *именно* кочевникам презрительное отношение к городам, которое, кстати, стало одной из причин упадка Османской империи в Новое время.

Общим вопросам исторического процесса посвящена статья Кондорского в сборнике о глобалистике [10]. Стремясь в небольшой публикации охватить глобальные сюжеты, автор представил ряд интересных и обоснованных суждений, но не избежал и неточностей. Например, дополнил уже рассмотренное выше утверждение о том, что раннесредневековое западноевропейское население было лишено и германского, и латинского сознания [10, с. 568]. Мысль не совсем понятна: что подразумевается под *сознанием*? Тем более что как раз таки именно там произошел довольно сбалансированный симбиоз германского и римского права, что в целом получило в медиевистике название *уравновешенного германо-романского синтеза*, легшего в основу западноевропейских феодальных порядков – сеньориального строя.

В той же статье автор констатирует, что известные достижения средневекового Китая *не получили дальнейшего развития* и что *все эти изобретения не имели таких фундаментальных социально-политических последствий*,

³ В более поздних статьях этот термин употребил и Б. М. Кондорский.

⁴ См., напр. [8]. Там же приведена соответствующая литература.

⁵ Автор пишет, I–II тыс. до н.э., что среди историков не принято, но, возможно, это опечатка.

как в Европе. Но почему-то избегает указания на причины такого отставания. А ведь именно эти причины имели фундаментальное значение для всего мирового развития.

Указание, что причинами отставания развития Тропической Африки была ее изоляция, можно было бы дополнить и спецификой ее природной среды (жаркий климат, тонкий плодородный слой почвы, муха цеце), что вполне вписывается в общую концепцию автора об ойкуменах.

Обратившись к процессам, происходившим в Восточной Европе, автор подчеркивает роль репрессий по отношению к городским общинам со стороны князей, тем самым возводя насилие в основной фактор прогресса в регионе. При этом роль Александра Невского подмечена точно. Обратившись к истории ВКЛ, автор называет эпоху его существования архаичной. Действительно, начальный этап существования княжества был таковым. Но дальнейшее его развитие было весьма динамичным и в симбиозе со славянским социумом, и в развитии городского самоуправления. А Литовский статут? Здесь у автора всё поверхностно.

Абзац про Украину оставлю без комментариев, ибо это *политика, опрокинутая в прошлое*. И в целом, начиная с этого места, дальнейшие рассуждения автора становятся все более обобщенными, не связанными, по сути, с предыдущим текстом, с конкретной историей [10, с. 569-570]. Эти общие рассуждения не вызывают возражений, потому что банальны.

Возможно, автору не хватило места (из-за ограниченности объема статьи?) и в попытке объять необъятное Кондорский забыл об известном совете Козьмы Прутков. Он скользит по поверхности, не анализирует, не отвечает на вопрос: а почему происходило то, что он констатирует. А констатирует общеизвестное.

Статью о проблемах генезиса древнерусского общества автор начинает с очередного объяснения своего понятия *ойкумены* [11]. Так действительно, стоит ли множить сущности? Далее следует утверждение, что *Большинство специалистов склоняется к тому, что прародина славян должна помещаться между Одером и Вислой*. Действительно, это была долгое время одна из основных концепций. Но в последнее время появилось больше свидетельств о распространении славянской прародины от верховьев Вислы, северо-восточного Прикарпатья, южнее Полесья и, возможно, до правобережья Днепра. Последующее рассуждение об антах чисто умозрительное и упрощенное.

Далее, в статье: *У славян первой половины – середины первого тысячелетия была характерна ойкумена племенного типа*. Так ведь проще – *племенной строй*. И не надо было тратить ограниченное место текста на пояснение указанного понятия. Дальнейшие рассуждения о славянском обществе последней четверти I тыс., аналогии с германцами Тацита тривиальны и без ссылок. А вот рассуждения о том, что русы – изгои разного этнического происхождения, хоть и не общепринято, но, полагаем, вполне убедительно, как и сравнение их и с бандитами, и с *людьми длинной воли* [11, с. 37]. Я тоже использую этот термин для обозначения возникавших у варваров дружин. Также считаю вполне обоснованным утверждение о роли торговли в регионе и русах – купцах в противоположность местному славянскому земледельческому населению. Мнение автора о происхождении термина *рус* также вполне приемлемо как одна из точек зрения. Не вызывают возражений и дальнейшие рассуждения автора [11, с. 39-41]. Хотя фразы *во второй половине X в. происходит упадок городищ, которые были основой предыдущей ойкумены*, и, далее, *с формированием ойкумены нового типа* [11, с. 42] создают неправильное представление о коренной смене общественного устройства, а учитывая и предыдущие рассуждения о русах – и этноса, что неверно. Здесь явно видна опасность неологизмов и автор может быть неправильно понят.

Последний абзац статьи *Формирование нового типа сознания происходит в рамках революционного периода. Для Руси (России) феодально-революционный период начался в 1262 г., когда Александр Невский вместе с татарским войском жестоко подавил восстание городских общин Северо-Восточной Руси против баскаков. Закончился революционный период уже при Иване III с присоединением к Московскому государству последних реликтов старой Руси – Новгорода и Пскова* [11, с. 43]. кратко, но адекватно отражает происходившие процессы. Но компаративный подход, постулируемый автором, требует хотя бы лаконичного, но сопоставления с другими *ойкуменами*. Но Кондорский здесь ставит точку.

Вновь обратившись к теме исторического развития Китая, Б. М. Кондорский на восьми страницах представил общий обзор более чем трехтысячелетней истории этой страны с целью обосновать на локальном примере свою концепцию *ойкумены* [12]. После очередного объяснения этого понятия автор обращается

к собственно китайской истории. Предельно краткий, естественно, обзор ранней и древней истории Китая свидетельствует об эрудиции автора, сумевшего выделить узловые моменты. Но в попытке объяснить ослабление поздней Хань, сравнивая ситуацию с поздним Римом, автор усложняет ситуацию. В обоих случаях причиной кризиса была элементарная раздробленность, вызванная разрастанием элит, чья власть основана на контроле над землей, которой стало недостаточно.

Переходя к эпохе раннего Средневековья, Кондорский отмечает, что феодализация в Китае напоминает аналогичные процессы в Византии [12, с. 142]. Но ведь в отличие от Китая, изолированного в своем регионе, что подчеркивает и сам автор в начале статьи, Византия, находясь на стыке Европы и Азии, была, наоборот, в центре бурных событий. Здесь параллель выглядит произвольной.

Объясняя *рыванный ритм* китайской истории (взлеты и падения), автор пишет о некоей неустойчивости *фундамента китайской ойкумены* [12, с. 143]. Но это ничего не объясняет. Понять ситуацию позволяет общий анализ существования восточных обществ: традиционная парадигма государств Востока была связана с общей закономерностью аграрного общества – ростом населения и сокращением ресурсов, что вело к борьбе за них с ослаблением политической власти. На это еще в XIV в. обратил внимание исламский эрудит, возможно, первый из известных социологов – Ахмед ибн Хальдун.

Также упрощенно выглядит, с ссылкой на особенности ойкумены, объяснение упадка династии Мин. Автор обращает внимание на неудачи создателя династии. Но ведь она просуществовала несколько столетий. Поэтому и сравнение с Иваном Грозным некорректно, ибо его тирания привела Московское царство к довольно быстрой деградации. А династия Мин погибла не столько из-за внутреннего упадка, но, как и предыдущие, от внешней агрессии, совпавшей с вышеуказанной парадигмой аграрных государств.

Далее, автор справедливо констатирует, что многочисленные технические достижения Китая не имели для него социальных последствий [12, с. 143-144]. Но причина не столько в изолированности. Исламский мир, например, не был изолированным, как и средневековая Индия, да и Московия. Но они тоже оказались в застое, в отличие от Западной Европы. Очевидно, причина – в деспотических формах

правления, основанных на государственной земельной собственности, чего не было на западе нашего континента.

Объяснение отсутствия результатов многочисленных морских экспедиций эпохи ранних Мин в том числе неповоротливостью, неуклюжестью китайских кораблей интересно как демонстрация уровня компетентности автора-биолога [12, с. 144]. Но просто в тогдашнем китайском социуме, кроме как у узкого круга придворных евнухов, не было материальной заинтересованности в установлении контактов, связей или в завоеваниях.

Характеристика современной истории Китая позволяет уточнить авторское понимание *ойкумены*. Если в западных странах после буржуазных революций законы *Ойкумены* практически перестают действовать, то в Китае, России, Индии и других странах бывшего «третьего мира»... они до сих пор оказывают определяющее влияние на внутреннюю и внешнюю политику [12, с. 145]. Получается, что, по автору, *ойкумена* – доиндустриальная, патриархальная или вообще архаическая цивилизация? То есть автор вуалирует признание отсталости таких сообществ.

И, заключает автор, «глубинную суть китайского проекта «*Экономический пояс Шелкового пути*» можно понять только на основе законов *Ойкумены*», ссылаясь при этом на свою более раннюю статью. По-моему, в данном случае введение дополнительной сущности ничего не объясняет. Представляется, что в этом – отражение специфики китайской цивилизации. Ибо современный экономический взлет Китая произошел вопреки этим традициям китайского общества, вследствие реформ Ден Сяопина, который сумел преодолеть очередную деградацию Китая, на этот раз из-за политики Мао Цзэдуна, и прагматично принял капитализм как форму, которая ведет к экономическому прогрессу (по принципу «не важно, какого цвета кошка, лишь бы ловила мышей»).

Наконец, о недавней статье Б. М. Кондорского, посвященной раскрытию расширенного толкования термина *изгой* [13]. Уже в начале статьи к *хрестоматийным изгоям* среди других исторических персонажей автор отнес и Цезаря, правда только после перехода Рубикона. Если других деятелей: Ромула, Чингисхана, Христа, Мухаммеда можно отнести к таковым, то Цезаря? Ведь он оставался военачальником такой военной силы, которой не было у сената. Потому и быстро достиг успеха

и власти. И далее – Цезарь не подходит под представленное определение изгойства: *«Изгой (часто добровольный) – это человек (индивид), имеющий социальное сознание, которое принципиально отличается от традиционного. Человек, который не может ужиться в традиционной общине, традиционной среде, представляющий определенную опасность для ее существования. Пассионарий, по терминологии Л. Гумилева»* [13, с. 47]. Цезарь таковым не был. Ведь полководец в Риме – это не просто военачальник, а в определенной степени «отец солдатам». И вообще, не каждый изгой – пассионарий – при всей неопределенности, а значит, ненаучности этого понятия.

Далее автор переходит к другому своему изобретению – *революционной концепции исторического развития*. Выше я уже комментировал предложенную периодизацию. Но вот с последующим заключением вполне согласен. Речь идет о том, что *революции формируют потенциал последующего развития. Основной целью всех революций является устранение носителей «старого сознания»*. Соответственно, чем больше уровень преемственности с предыдущим периодом, тем более низкий потенциал последующего развития мы имеем [13, с. 47]. Здесь, в социологии с ее абстракциями, автор лучше разбирается, чем в истории, науке конкретной.

Понимание автором сути древнеегипетского государства также не вызывает возражений. Но представление об античном обществе неточное: если в Египте основой действительно был Дом, то здесь – уже совсем другой мир – не семья, а общество (полития).

В изложении *системного характера ойкумены* автор пытается описать исторические понятия иным языком. Ойкумена в понимании автора *пространство обмена и диффузии информации* [13, с. 49]. Хотя имеется в виду, очевидно, синтез географической среды и человеческого сообщества.

Далее следует краткое описание *Евразийской ойкумены* в эпоху неолита. Автор включает в нее территории от Северной Африки до Тихого океана, ссылаясь при этом на обобщающие, но давнишние работы авторитетных востоковедов – И. М. Дьяконова и Л. С. Васильева. Но то, что в Передней Азии история началась раньше, не доказательство переноса местных открытий в другие регионы. Возможны и автохтонно возникавшие центры. Ближневосточные корни **все**го на Дальнем Востоке

не всем очевидны (особенно при детальном рассмотрении археологами в последние годы). Процесс развития региона автор сравнивает с развитием растительных сообществ, что естественно для биолога. Но человек не растение, его расселение на земле отличалось от аналогичных процессов в растительном и животном мире не только умением приспособиться к любому ландшафту (даже в вечной мерзлоте), но постепенным обретением навыков подчинения заселяемых ландшафтов, что и обеспечивало выход за пределы ойкумены (в ее обычном понимании, а не в изобретенном автором значении).

Далее следует: *Субъектами ойкумены были отдельные индивиды, потерявшие связь с традиционными общинами. Эти «изгой» как носители информации должны были все время находиться в движении. Любое стационарное существование порождает общину и соответствующий тип сознания* [подчеркнуто мной. – Я. Р.]. Но община ведь не статична, она хотя и медленно, даже с точки зрения истории, но развивалась от ранних, кровнородственных форм до соседских (передельной, марки и т.д.).

Затем автор утверждает, что *распространение нововведений в рамках Евразийской ойкумены шло за счет групп индивидуумов, свободных от традиционного общинного сознания*, ибо в основе цивилизаций поздней древности (наконец термин *цивилизация* применен в традиционном значении). Ну так до неолита все человеческие сообщества были кочевыми. А затем пастушескими оставались те, кто находился в соответствующих ландшафтах, где их развитие замедлилось или остановилось. А дальнейшее развитие определялось освоением земледелия – потому все указанные автором цивилизационные очаги были созданы уже оседлым населением, т.е. земледельцами. И причем здесь *изгой*? Возникавших в процессе развития земледельческих цивилизаций племенных вождей, из которых затем выделялись и первые государи, вот их – да, можно таковыми называть, да и то не всех.

При анализе *традиционной общины* автор вновь упрощает ситуацию, прибегая к биологическим аналогиям. Возможно потому, что считает первобытную общину *черным ящиком* [13, с. 50]. Но благодаря современной исторической антропологии она уже таковой не выглядит: выяснены многие ее особенности, причем в разных вариантах, но в форме гипотез, а не аксиом, что «естественниками» обычно воспринимается скептически.

В описании устройства первобытной общины автор ее генерализует, а значит, упрощает. А ведь всё зависит и от контекста: вспомним развитие германской общины, обеспеченной более достоверными источниками. В одних случаях общины оставались неизменными, а в других – из них формировались вождества и государства.

То же относится к констатации эгалитарности ранних общин. Но так было в архаичных общинах. Однако при определенных обстоятельствах в них возникало неравенство, как у тех же германцев в первой половине I тыс. (вспомним сообщения Тацита, Салическую правду и т.д.). То есть автор рассматривает общину статичной, забывая о ее динамике. Вот и получается у него, что прогресс движется изгойми, а не эволюцией внутри общества.

Заключая об общине, автор пишет, что *традиционное сообщество отрицает индивидуальность. Личность не выделена из коллектива своих родственников. Его члены должны вести себя «как все». Здесь отсутствует историческое сознание. По существу традиционная община представляет собой органическое целое. Для общины характерны замкнутость и слабая мобильность, что резко отличает члена общины от горожанина. Общине свойственна ориентация на традицию, на воспроизводство опыта предков (там же).* Здесь все правильно, но статично. И непонятно, о какой эпохе идет речь. Судя по сравнению с горожанами, имеются в виду не первобытные общества, а, по крайней мере, древние цивилизации. Но более поздние общины хотя и подавляли личность, но, как отмечалось, уже не были эгалитарными.

Далее описывается феномен *мужского союза* [13, с. 51]. Автор в плену созданного им образа и не видит многообразия общественных форм даже в первобытности. Он ссылается на пример американских индейцев. Но это лишь пример, но не доказательство.

Переходя к *ранней древности*, автор пишет, что *заселение междуречья Тигра и Евфрата происходило за счет пришельцев из различных регионов в V–VI тыс. до н. э., то есть, по существу, изгоев. Основу земледельческих общин в Месопотамии составили автономные индивиды...* [13, с. 51]. С этим нельзя согласиться. Ибо даже по элементарной логике: как разрозненные индивиды, а не спаянные коллективы могли осваивать те (да и любые) земли? Как они могли организовать хозяйство и ту же ирригацию? Автор вне реальной исто-

рии. Демографическое давление выталкивало отдельные сообщества на поиски новых угодий, где и происходило перемешивание и создание новых, более дееспособных (благодаря конвергенции разных традиций и навыков) сообществ. А не изгоев!

Собственно, автор на следующей странице, противореча себе, пишет о том, что в новых условиях *изгои* объединялись *соответствующей инфраструктурой, включающей строительство каналов, дамб, водохранилищ*. Но если *изгоев* была *масса*, то это уже не *изгой*! *Появилась потребность в административных структурах, которые могли планировать и организовывать ирригационные работы. Все это требовало индивидуально-группового, а не общинного труда и деятельности. Происходит формирование Месопотамской ойкумены на основе ирригационной инфраструктуры*. Тут, с ссылкой на специалиста, все правильно.

А затем автор пытается встроить в процесс создания государств региона свою концепцию *изгоев* как демиургов исторического развития и пишет: *В раннединастический период храмы отделяются от общины и органов общинного самоуправления и начинают аккумулировать в рамках своего хозяйства обедневших членов общины*. Но это же не те креативные изгойи, о которых автор пишет выше, а обедневшие, т.е. неудачники, которые не могли быть лидерами. И вообще изгойство по автору – нагромождение неопределенностей, т.е. избыточных сущностей (по Оккаму). Может, для историков-любителей это интересно, но специалистам суть описанных процессов в Месопотамии и так известна. Замечу в дополнение, что ссылки на литературу, изданную с разницей почти в полстолетия, не корректны без уточнений, ведь в новейших публикациях могут быть отражены и новые факты, и новые подходы. Всё-таки исторические знания не окаменелость, они развиваются, даже для таких далеких эпох.

Тут, к слову, мелочь, но... на с. 53 читаем о *законах реципркации*. Может – *реципрокции*?

Описывая храмовые хозяйства, автор заключает, что именно процесс «связывания» *изгоев* был важнейшим институтом древности, обеспечивающим стабильность существования социума [13, с. 53]. Ничем не обоснованная модернизация. Тут скорее элементарная потребность выделявшихся хозяйств у элит в рабочей силе. *Изгойство* этих работников вызывалось не их креативностью, а выдавлива-

нием из городских и сельских общин лишних людей, не имевших средств к более независимому существованию – люмпенов. И, далее, Б. М. Кондорский упоминает Саргона, тоже *изгой* (по его же классификации). Но это уже другой изгой, которого можно отнести к «людям длинной воли». Тут же к изгоям автор относит и Эхнатона, представителя высшей элиты, аристократа и интеллектуала того времени. Здесь и комментировать нечего. А проблемы этого фараона возникли из-за того, что его реформа лишала жрецов их места в обществе. Это было главным в неприятии реформы в дополнение к известному консерватизму необразованных масс.

Дальше автор пишет: *Земледельческий характер хозяйствования отнюдь не способствовал мобильности потоков информации в рамках Месопотамской ойкумены, что объясняет консервативность здесь социального сознания* [13, с. 53]. Зачем такая модернизация? Просто любое аграрное общество заведомо консервативно, как консервативно само сельскохозяйственное хозяйство доиндустриальных эпох.

В ассирийском обществе автор отмечает влияние купцов. Но, прежде чем оседлать торговые пути, ассирийцы захватили, то, что сложилось до них. И захватили не купцы, а воины. Именно своей воинственностью, организованностью и подвижностью и прославились ассирийцы. А купцы в любом обществе – самый динамичный слой в силу своей деятельности (волка ноги кормят). И дело не в том, что они индивиды, а в сути их деятельности, предполагающей постоянный динамизм и взаимную конкуренцию, в противоположность застойному аграрному сообществу. Последнее зависело от устойчивых природных факторов и погодных циклов: урожай не созреет быстрее, чем обусловлено природой, а купеческая деятельность – наоборот, зависит от индивидуальной креативности. И, вероятно, если бы купцам не мешала консервативная землевладельческая власть, они бы и тогда создавали свой «капитализм».

Своеобразно видение автором греческого общества [13, с. 56]. Оно не было земледельческим, как, кстати, и финикийское. Разнообразная хозяйственная деятельность подрывала влияние традиционной аристократии, опиравшейся на земельные владения, которых в греческом природном ландшафте было мало. А тираны – не «изгой», они не были маргиналами в своем социуме, но боролись за личную деспотическую власть. При авторском подходе

к изгоям надо относить любого авторитарного правителя во все времена – получается слишком расширительное, неконкретное понятие.

Режим в Афинах после реформ Клисфена автор назвал *тоталитарной демократией* (с. 57). Опять упрощение. В те времена не было понятия «прав человека». Вспомним наличие не только рабов (с ними понятно), но, в Афинах, метеков – таких же полноценных свободных греков, но не граждан Афин. Поэтому остракизм – изгнание своих «слишком умных» – не воспринимался как нарушение абстрактных прав. Любое меньшинство в те времена прав не имело.

Упрощения, свойственные автору, но менее существенные, есть и в описании римского общества [13, с. 59-61].

Заключение

Б. М. Кондорский излагает свое представление о формировании государства: *Разложение родоплеменных отношений, в свою очередь, способствует уже появлению изгоев субпассионарного характера, лишенных своего «природного» имущества и требующих определенной опеки. Появляется потребность в государстве. Именно государство берет на себя заботу об индивидах, оказавшихся в силу тех или иных причин за пределами общины* [13, с. 61]. Получается, что создание государства – это осознанный процесс первобытных людей? Реально было наоборот: государство создавалось в ходе длительного процесса возникновения и обособления элит, выделения вождей, которые были не изгоями, а лидерами в своих сообществах. И эти лидеры, опирающиеся на своих воинов (возможно и изгоев), возвышались над родовыми институтами и создавали свои надродовые органы власти, которые в итоге приобрели те формы, которые мы называем государством.

После архаических революций формируется полисная гражданская община, диалектически сочетающая в себе потенциал исторического развития и определенный уровень стабильности в плане социального существования. И в Греции, и в Риме создателями полисов классического типа являются индивиды – изгой по происхождению [13, с. 62]. Получилась механистическая концепция: ойкумена со своими закономерностями перемещается по Передней Азии, затем в Грецию и Рим как некая самодостаточная структура. А почему в Передней Азии не произошло того,

что сформировалось в античном мире? Это были разные типы цивилизаций [14].

И общий вывод: *В широком смысле этого слова каждому этапу исторического развития соответствует определенный тип личности. Государство, с одной стороны, контролирует личностный потенциал пассионариев, а с другой – обеспечивает определенным социальным минимумом неимущих субпассионариев. Каков тип личности, таков и тип государства.* Последнее – бесспорно, но далее: *Несомненно, концепция изгойства имеет определенный потенциал дальнейшего теоретического развития, позволяет анализировать и осмысливать те или иные социальные явления и институты с неординарной стороны. Авторам здесь намечены только отдельные пролегомены.*

Все это уже довольно подробно разработано историками в концепциях локальных цивилизаций. Автор со «своей колокольни» те же процессы пытается обобщить иными формулировками и терминами. Так зачем, повторяюсь, «множить сущности»?

Двигатель исторического прогресса автор видит в *изгойстве*. А если копнуть глубже, то почему в одних случаях эти «изгой», возникнув в колыбели человечества – Передней Азии (с точки зрения европейцев – на Ближнем Востоке), не сохранили динамизм развития во 2 тыс. н.э., а «изгой» античного мира сумели заложить основы для последующего динамичного развития периферийного для Евразии и ранее отсталого крайнего западного полуострова субконтинента – Западной Европы? Ответ на это даст концепция локальных морских и ручных цивилизаций. В основе этой концепции лежит анализ совокупности природно-географических, хозяйственных и социальных факторов, что как раз и соответствует концепции СОИ основателя журнала «История и современность».

Так нужны ли новые сущности???

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Риер, Я. Г.** Об особенностях Запада и востока Европы в средние века: заметки на полях новой книги о Золотой Орде / Я. Г. Риер // *Вестник Магілєўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія).* – 2010. – № 1 (35). – С. 15–27.
2. **Риер, Я. Г.** Климат и исторические процессы: по поводу исторических представлений проф. В. В. Клименко / Я. Г. Риер // *Человек и природа в пространстве и времени. Сер. Социосущественная история. Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. XXXVI.* – М.: ИАЦ-Энергия, 2012. – С. 261–298.
3. **Риер, Я. Г.** Клиометрия и история: некоторые комментарии к междисциплинарным подходам (на примере книги П. В. Турчина «Историческая динамика: на пути к теоретической истории») / Я. Г. Риер // *Природа и общество в эпоху перемен. Сер. Социосущественная история. Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. XXXVIII.* – М., 2014. – С. 221–253.
4. **Кульпин, Э. С.** Научное завещание. Основные понятия, постулаты и методология социосущественной истории / Э. С. Кульпин // *История и современность.* – 2016. – № 1. – С. 5–11.
5. **Риер, Я. Г.** О ментальности историка: размышления на полях одной статьи / Я. Г. Риер // *Вестник Магілєўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія).* – 2015. – № 2 (46). – С. 102–107.
6. **Кондорский, Б. М.** Архаическая революция в древнем Китае (Попытка сравнительно-исторического анализа) / Б. М. Кондорский // *Общество и государство в Китае. Т. XLIII. Ч. 2.* – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 16–28.
7. **Кондорский, Б. М.** Характер формирования и развития княжеской власти в Древней Руси / Б. М. Кондорский // *Творческое наследие А. А. Зимина и современная российская историография: VI Зиминские чтения: Междунар. науч. конф., Москва, 7 апреля 2015 г.* – М.: Древлехранилище, 2017. – С. 143–157.
8. **Риер, Я. Г.** Локальные цивилизации средневековья и начала нового времени: истоки и особенности / Я. Г. Риер. – Могилев, 2016. – С. 18–24.
9. **Кондорский, Б. М.** Кочевая ойкумена / Б. М. Кондорский // *Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. Кн. 2.* – Улан-Удэ, 2019. – С. 39–42.
10. **Кондорский, Б. М.** Революционная концепция процесса исторического развития / Б. М. Кондорский // *VI Международный научный конгресс «Глобалистика 2020. Глобальные проблемы и будущее человечества».* – М., 2020. – С. 566–571.
11. **Кондорский, Б. М.** Проблема русов и концепция ойкумены в Древней Руси / Б. М. Кондорский // *История. Общество. Политика.* – 2021. – № 1 (17). – С. 35–45.
12. **Кондорский, Б. М.** Процесс историче-

ского развития китайской ойкумены (с периода неолита до наших дней) / Б. М. Кондорский // Россия – Китай: история и культура : сб. ст. и докладов участников XIV Междунар. научно-практ. конф. – Казань, 2021. – С. 139–147.

13. **Кондорский, Б. М.** Элементы теории изгойства (на примере периода древности) / Б. М. Кондорский // История и современность. – 2023. – № 2. – С. 46–66.

14. **Риер, Я. Г.** Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общественных процессов: природная среда и социальное развитие / Я. Г. Риер. – Могилев, 2016. – С. 37–64.

Поступила в редакцию 25.01.2025 г.

Контакты: gier_iag@m.msu.by (Риер Яков Григорьевич)

Rier Y. G. ON THE ANALYSIS OF A HISTORICAL CONCEPT: BASED ON THE PUBLICATIONS OF B. M. KONDORSKY

This paper analyses a series of publications by B.M. Kondorsky, Candidate of Biological Sciences, on the subject of the world-historical process. The author presents original concepts and introduces new terms with personal interpretations of notions such as oikoumene, revolutions, and outcasts. Despite offering rather precise characterisations of certain historical phenomena, the overall concepts proposed by the author appear to be flawed.

Keywords: professionalism, limits of competence, concepts of the historical process, comparative analysis, oikoumene, archaic societies, revolutions.